

Роберт Менассе

СТОЛИЦА

РОМАН

*Перевод с немецкого
Н. Федоровой*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.112.2-3(436)

ББК 84(4Авс)-44

М50

*The translation of this work was supported
by a grant from the Goethe-Institut.*

*Перевод выполнен
при поддержке Гёте-Института.*

ISBN 978-5-7516-1510-9

© Suhrkamp Verlag Berlin 2017

© Н. Федорова, перевод, 2019

© «Текст», издание на русском языке, 2019

Rêver, c'est le bonheur;
attendre, c'est la vie.

Victor Hugo

В мечтанье — счастье;
в ожиданье — жизнь.

Виктор Гюго

Пролог

Ба, свинья бежит! Давид де Вринд увидел ее, когда открывал окно гостиной, чтобы в последний раз окинуть взглядом площадь, а затем навсегда покинуть квартиру. Он не был сентиментален. Прожил здесь шесть десятков лет, шесть десятков лет смотрел на эту площадь и теперь подводил черту. Вот и все. Любимая его фраза — когда бы ему ни случилось что-нибудь рассказывать, сообщать, утверждать, он всегда произносил два-три предложения, а потом: «Вот и все». Эта фраза была единственным правомерным итогом любой минуты или этапа его жизни. Экспедиционная фирма уже вывезла кое-какой скарб, который он забрал с собой на новое место жительства. Скарб — странное слово, впрочем, на него оно никак не подействовало. Потом приехали люди из уборочной фирмы и вывезли все остальное, не только то, что можно просто вынести, нет, они вырвали, разобрали на части и вынесли все до последнего гвоздя — как говорится, вымели квартиру подчистую. Де Вринд сварил себе кофе, пока плита и кофеварка «эспрессо» еще были на месте, наблюдал за работой уборщиков, стараясь не заступать им дорогу, и еще долго

держал в руке пустую кофейную чашку, но в конце концов швырнул ее в мешок с мусором. Потом уборщики уехали, квартира опустела. Выметенная подчистую. Вот и все. Последний взгляд в окно. Там, внизу, все так хорошо знакомо, а теперь пришла пора съезжать, потому что настало другое время, — и вдруг он увидел... в самом деле: там, внизу, свинья! Посреди Брюсселя, на Сент-Катрин. Видимо, она выбежала с улицы Брэ, промчалась вдоль строительного забора перед домом, де Вринд высунулся в окно и увидел, как справа, на углу улицы Вьё-Марше-о-Грен, свинья проскочила между прохожими и едва не угодила под колеса такси.

Кай-Уве Фригге, которого резкое торможение бросило вперед, снова упал на спинку сиденья. Скривился. Он опаздывал. Нервничал. Что там опять стряслось? На самом деле он не опаздывал, просто, назначив встречу, считал важным прийти минут на десять раньше, особенно в дождливые дни, чтобы до прихода человека, с которым договорился о встрече, успеть в туалете быстро привести себя в порядок, причесать мокрые от дождя волосы, протереть запотевшие очки...

— Свинья! Вы видели, месье? — воскликнул таксист. — Чуть не под колеса мне кинулась! — Он наклонился к лобовому стеклу: — Вон она! Вон! Видите?

И Кай-Уве Фригге увидел. Тыльной стороной руки протер стекло, свинья совсем рядом, бежит прочь, мокрая грязно-розовая туша поблескивает в свете фонарей.

— Мы на месте, месье! Ближе не подъедешь. Нет, ну надо же! Свинья чуть не под машину кидается! Подфартило мне, иначе не скажешь!

Фения Ксенопулу сидела в ресторане «Менелай» за первым столиком у большого окна с видом на площадь. Злясь на себя, что пришла слишком

рано. Ведь она роняет свое достоинство, сидя здесь в ожидании его прихода. А всё нервы. Она боялась из-за дождя застрять в пробке и отвела на дорогу слишком много времени. Вот и сидела теперь за вторым узо*. Официант назойливой осой кружил подле нее. Фения смотрела на рюмку и приказывала себе не трогать ее. Официант принес графин со свежей водой. Потом тарелочку с оливками... и сказал:

— Свинья!

— Простите? — Фения подняла взгляд, заметила, что официант, как замороженный, уставился на площадь, и тоже увидела: к ресторану бежит свинья, потешным галопом, выбрасывая вперед-назад короткие ножки под круглой, тяжелой тушей. Сперва она подумала, что это собака, одна из тех мерзких тварей, каких вдовы откармливают прямо как на убой, но нет, в самом деле свинья! Слово из книжки с картинками — она видела очертания рыла и ушей, контуры, рисунок для детей, но эта свинья, пожалуй, сбежала из детского триллера. Не дикая свинья, нет, грязная, но, без сомнения, розовая домашняя свинья, в которой сквозило что-то безумное, что-то угрожающее. По окну сбежала дождевая вода, Фения Ксенопулу смутно различила, как свинья вдруг, растопырив ножки, затормозила перед несколькими прохожими, поскользнулась, кинулась в сторону, упала, вновь стала на ноги и галопом помчалась назад, теперь к гостинице «Атлант». В этот миг Рышард Освецкий покинул гостиницу. Едва выйдя из лифта, он еще в холле надвинул на голову капюшон куртки и теперь шагнул под дождь, торопливо, но не слишком быстро, не хотел привлекать внимание. Хорошо,

---

* Узо — греческая анисовая водка. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

что идет дождь: капюшон, торопливый шаг, в таких обстоятельствах это совершенно нормально и в глаза не бросается. Позднее никто не сможет сказать, что видел бегущего мужчину, приблизительно такого-то возраста, примерно такого-то роста, в куртке цвета... конечно, цвет тоже запомнится... Он быстро свернул направо и тут услышал возбужденные возгласы, крик и тяжелое, странно повизгивающее сопение. На секунду замер, оглянулся. Увидел свинью. И не поверил своим глазам. Меж двумя коваными столбиками, окаймлявшими тротуар у подъезда гостиницы, стояла свинья — опустив голову, точно бык, готовый вот-вот ринуться в атаку, зрелище потешное, но и грозное. Загадка: откуда взялась эта свинья, с какой стати стоит здесь? Рышарду Освецкому почудилось, будто вся жизнь на площади, по крайней мере, насколько он мог видеть, застыла, окоченела, в маленьких глазках животного поблескивали неоновые огни гостиничного фасада, — и вот тогда Рышард Освецкий побежал! Побежал прочь, направо, еще раз оглянулся — свинья, сопя, подняла морду, сделала несколько шажков назад, повернулась и припустила наискось через площадь, к деревьям перед фламандским культурным центром «Де марктен». Прохожие, наблюдавшие за этой сценой, провожали взглядом свинью, а не человека в капюшоне... Теперь животное увидел Мартин Зусман. Он жил в доме рядом с гостиницей «Атлант» и, открыв окно, чтобы проветрить комнату, не поверил своим глазам: неужто свинья?! Он как раз думал о своей жизни, о случайностях, приведших к тому, что он, сын австрийских крестьян, теперь жил и работал в Брюсселе, и в нынешнем настроении все казалось ему безумным и странным, но свинья, свободно бегущая через площадь, — это уж чересчур, навер-

няка всего-навсего нелепая выходка его фантазии, проекция воспоминаний! Он еще раз глянул вниз, но свиньи уже не увидел.

Свинья бежала в сторону церкви Святой Екатерины, пересекла улицу Сент-Катрин, держалась слева, подалее от туристов, что выходили из церкви, миновала церковь, направляясь к набережной Кэ-о-Брик, туристы хохотали, по-видимому, сочли перепуганное, почти вконец обессилевшее животное таким легендарным местным феноменом. Позднее некоторые станут искать в путеводителе, нет ли этому объяснения. Ведь в испанской Памплоне в какой-то праздник гонят по улицам быков, разве нет? Так, может, в Брюсселе гонят свиней? Когда люди сталкиваются с необъяснимым там, где отнюдь не ожидают понять все, — какой веселой им кажется жизнь.

В этот миг Гауда Мустафа свернул за угол и едва не налетел на свинью. Едва? Она вроде бы задела его, потерлась о ногу? Свинья? Гауда Мустафа в панике отскочил в сторону, потерял равновесие и упал. Угодил в лужу, барахтался в ней, отчего стало только хуже, но оскверненным чувствовал себя не грязью из лужи, а прикосновением к нечистому животному, коль скоро оно вообще имело место.

Тут он увидел руку, которая тянулась к нему, увидел лицо пожилого господина, печальное, озабоченное, мокрое от дождя, старик словно бы плакал. Это был профессор Алоис Эрхарт. Гауда Мустафа не понял, что тот сказал, разобрал только слово «о'кей».

— О'кей! О'кей! — сказал Гауда Мустафа.

Профессор Эрхарт продолжал говорить, по-английски, сказал, что сегодня тоже падал, но от смущения вместо «fell» сказал «failed». Гауда Мустафа опять не понял, повторил: «О'кей!»

А вот и синие мигалки. «Скорая помощь». Полиция. Вся площадь кружилась, вспыхивала, взблескивала синими огнями. Патрульные машины, завывая сиренами, подъезжали к «Атланту». Небо над Брюсселем исполняло свой долг: шел дождь. словно бы искристыми синими каплями. Вдобавок резкий порыв ветра взметнул вверх и вывернул зонтики иных прохожих. Гауда Мустафа схватил руку профессора Эрхарта, оперся на нее, поднялся на ноги. Отец предупреждал его насчет Европы.

Глава первая

---

*Взаимосвязей может на самом деле
и не быть, но без них все развалится*

Кто придумал горчицу? Неудачное начало для романа. С другой стороны, удачного начала быть не может, потому что никакого начала вообще нет, как удачного, так и не очень. Ведь любая мыслимая первая фраза уже есть конец — даже если за нею следует продолжение. Она стоит в конце многих тысяч ненаписанных страниц — в конце предыстории.

Собственно говоря, начиная читать роман, неплохо бы после первой же фразы иметь возможность заглянуть на предшествующие страницы. Вот о чем мечтал Мартин Зусман, вот кем он, собственно говоря, хотел стать: рассказчиком предыстории. Он учился на археолога, на время бросил и только тогда... да не все ли равно, здесь это ничего не значит, относится к предыстории, которую любое начало романа поневоле оставляет, так сказать, за кадром, ибо иначе никакому началу вообще не бывать.

Мартин Зусман сидел за письменным столом, ноутбук он отодвинул в сторону и из двух разных тюбиков выдавливал на тарелку горчицу — острую английскую и сладкую немецкую, — спрашивая се-

бя, кто придумал горчицу. Кому взбрела в голову сумасбродная идея выпускать пасту, которая полностью перебивает собственный вкус любого блюда, причем сама приятным вкусом не отличается? И каким образом эта штука сумела стать товаром массового потребления? Таким же, думал он, как кока-кола. И если б ее не было, никто бы по ней не скучал. По дороге домой Мартин Зусман купил в магазине «Делез» на бульваре Анспах две бутылки вина, букет желтых тюльпанов, сардельку и, само собой, горчицу, сразу два тюбика, потому что не мог выбрать, какую взять — сладкую или острую.

Сейчас сарделька шипела и подпрыгивала на сковороде, пламя было слишком сильное, жир подгорал, сарделька обугливалась, но Мартин не обращал на это внимания. Сидел и разглядывал крендельки горчицы на белой тарелке — более светлый, желтоватый и темно-коричневый, миниатюрные скульптуры собачьего помета. Разглядывание горчицы на тарелке, меж тем как на сковороде подгорает сарделька, еще не описано в специальной литературе как однозначный и типичный симптом депрессии, однако мы можем истолковать его именно так.

Горчица на тарелке. Открытое окно, пелена дождя. Затхлый воздух, вонь пригоревшего мяса, треск лопающейся оболочки и горящего жира, скульптуры помета на фарфоровой тарелке — и тут Мартин Зусман услышал выстрел.

Он не испугался. На слух — будто в соседней квартире откупорили бутылку шампанского. Правда, за странно тонкой стенкой располагалась не квартира, а гостиничный номер. Рядом была гостиница «Атлант» — весьма эвфемистическое название для хилого домишки, где останавливались большей частью сутулые лоббисты, волокущие за собой чемоданы на колесиках. Мартин Зусман ча-

стенку ненароком слышал сквозь стену вещи, которые отнюдь не горел желанием услышать. Реальности-шоу по телевизору или, как знать, просто реальности, храп или стоны.

Дождь усилился. Мартину хотелось выйти на улицу. К Брюсселю он подготовился как нельзя лучше. На прощальной вечеринке в Вене постарался получить практичные подарки, иначе говоря, экипировку для Брюсселя, в том числе девять зонтиков — от классического длинного британского до складного немецкого и итальянского «мини» в трех цветах «Бенеттона» — и два дождевика-пончо для велосипедистов.

Неподвижно сидя перед своей тарелкой, Мартин глазел на горчицу. Позднее он мог сообщить полиции, в котором часу слышал выстрел, а все потому, что мнимый хлопок пробки от шампанского побудил его откупорить бутылку вина. Каждый день он отодвигал пьянство как можно дальше, ни в коем случае не пил до семи вечера. Вот и посмотрел на часы, было 19.35. Прошел к холодильнику, достал вино, выключил конфорку, вытряхнул сардельку в мусорное ведро, поставил сковороду в мойку, открыл кран. Вода зашипела на раскаленном металле. «Нечего снова пялиться в дурацкий ящик!» — шипела мать, когда он сидел перед книгой и с отсутствующим видом глядел в пространство, вместо того чтобы помочь ей кормить свиней и убирать навоз.

Сидя перед тарелкой с горчицей, доктор Мартин Зусман налил себе бокал вина, потом еще один, окно было открыто, временами он поднимался, подходил к окну, выглядывал наружу и опять садился к столу. За третьим бокалом по стенам комнаты заплясал синий свет мигалок. Тюльпаны в вазе на камине ритмично взблескивали синим. Зазвонил телефон. Он не стал отвечать. Пусть прозвонит еще

несколько раз. На дисплее Мартин Зусман видел, кто звонит. И не брал трубку.

Предыстория. Она столь же знаменательна и одновременно невзрачно-трепетна, как неугасимая лампада в церкви Святой Екатерины, на другом конце площади Вьё-Марше-о-Грен, где жил Мартин Зусман.

Немногочисленные прохожие укрылись от дождя в церкви, нерешительно стояли или бродили по нефу, туристы листали путеводители и осматривали достопримечательности: «Черная Мадонна, XIV в.», «Образ святой Екатерины», «Типично фламандская кафедра, вероятно из Мехелена», «Надгробия Жилия-Ламбера Годешарля»...

Временами вспыхивала молния.

Мужчина, в одиночестве сидевший на церковной скамье, как будто бы молился. Подперев голову руками, опершись подбородком на сплетенные руки, ссутулив спину. В черной куртке с низко надвинутым капюшоном его можно было принять за монаха в рясе, если бы не надпись «Гиннесс» на спине.

Куртку с капюшоном он, вероятно, надел из-за брюссельского дождя, однако впечатление, какое он в ней производил, сообщало и кое-что существенное. На свой лад этот мужчина вправду был монахом: считал монашеское — или то, что под этим подразумевал, а именно аскезу, медитацию и духовные практики, — спасением в жизни, которой непрерывно грозили хаос и гибель. Все это он отнюдь не связывал с каким-либо орденом или монастырем, с уходом от мира: любой человек, независимо от профессии или должности, может и даже обязан быть в своей сфере монахом, сосредоточенным на своей задаче слугой высшего Промысла.